

МАРИЯ ГОЛОВАНОВСКАЯ

Признание в любви
по-русски

Мария Голованивская

**Признание в любви:
русская традиция**

«Автор»

Голованивская М. К.

Признание в любви: русская традиция / М. К. Голованивская — «Автор»,

Каждый человек хотя бы раз в жизни признается в любви и хотя бы раз в жизни такое объяснение слышит. Это очень яркий, важный момент, который может изменить судьбу. Осчастливить или заставить страдать. Но почему каждый раз, говоря о любви, мы говорим одно и то же? Почему говорим о своих страданиях, о невозможности жить без того, кого любим, почему пишем письма, читаем стихи? Откуда взялись крылатые выражения любовного признания? Есть ли что-то новое в сегодняшнем любовном объяснении? На все эти волнующие вопросы вы получите исчерпывающие ответы, прочитав новую увлекательную книгу Марии Голованивской. Автор разбирает детали, интерпретирует образы, используя в качестве примера любовные объяснения наиболее известных героев русской литературы – как классической, так и современной.

© Голованивская М. К.

© Автор

Содержание

Слова любви	5
Что такое любовь?	10
Объясняться, открываться, признаваться	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мария Голованивская

Признание в любви: русская традиция

Слова любви

Эта книга о том, как признавались в любви наши предки и как это делаем мы сами. О том, как мы понимаем любовь, что чувствуем, что говорим, о чем мечтаем, чего хотим. Здесь вроде бы все ясно и так: встретились, влюбились, а дальше – или счастье, или разбитое сердце.

Все правильно.

Но не так очевидно.

Ведь любовь – это загадка, неразгаданная тайна, тема вечной дискуссии, вечного спора «быть или не быть». Это вечная тема, которая потому и вечная, что невозможно в ней что-то определить окончательно, раз и навсегда.

И нельзя и можно.

Только не вперед, а назад.

Так сказать, задним числом.

В любви нас ведет за руку мощная традиция, предлагая уже готовые ситуации и слова. И нам от этой традиции никуда не деться. Она – часть нас самих, хотя мы и не чувствуем ее, как не чувствуем воздух, которым дышим.

Культурные коды, алгоритмы и есть заданные формы существования нашей любви, которую мы, безусловно, принимаем и с которой боремся. Даже не догадываясь об этом. Но боремся все вместе, двигая по крупицам нашу культуру, наши представления в каком-то не известном нам направлении. То в сторону Запада, то в сторону Востока, то просто в сторону. И как бы мы не потешались над тургеневскими барышнями или фатальными наставками филипповнами, и те и другие живут в нас. Пусть обряженные в джинсы и с кольцом в пупке, но они живут как программы, которые заставляют нас делать, думать и говорить нечто определенное и заданное, даже когда нам кажется, что мы сами авторы и слов, и чувств, и ситуаций, и жизненных сценариев.

Вот одно из стихотворений современной поэтессы Верочки Полозковой, которым зачитываются тысячи поклонников «Живого журнала» в интернете. Что в нем? Новизна? Стилизация? Традиция? Искренность? Талант? Талант и мощнейшая культурная традиция:

Бернард пишет Эстер: «У меня есть семья и дом.
Я веду, и я сроду не был никем ведом.
По утрам я гуляю с Джесс, по ночам я пью ром со льдом.
Но когда я вижу тебя – я даже дышу с трудом».

Бернард пишет Эстер: «У меня возле дома пруд,
Дети ходят туда купаться, но чаще врут,
Что купаться; я видел все – Сингапур, Бейрут,
От исландских фьордов до сомалийских руд,
Но умру, если у меня тебя отберут».

Бернард пишет: «Доход, финансы и аудит,
Джип с водителем, из колонок поет Эдит,
Скидка тридцать процентов в любимом баре,
Но наливают всегда в кредит,

А ты смотришь – и словно Бог мне в глаза глядит».

Бернард пишет: «Мне сорок восемь, как прочим светским
плешивым львам,
Я вспоминаю, кто я, по визе, паспорту и правам,
Ядерный могильник, водой затопленный котлован,
Подчиненных, как кегли, считаю по головам —
Но вот если слова – это тоже деньги,
То ты мне не по словам».

...Моя девочка, ты красивая, как банши.
Ты пришла мне сказать: умрешь, но пока дыши,
Только не пиши мне, Эстер, пожалуйста, не пиши.
Никакой души ведь не хватит,
Усталой моей души.

Но почему «не по словам»? И что за тайну или загадку скрывает любовь, если так трудно о ней говорить, если нужно объясняться или признаваться? Ведь мы так и говорим: признаться в любви. Что такого мы скрываем?

Ответ на это вопрос запятан довольно глубоко. И я буду его искать. Меня будет интересовать природа женских чар и обворожительности, сама суть представлений о красоте, я буду обращаться к старинным нравам, к вечному призраку маменьки, то и дело мелькающему в сценах любовного объяснения. Меня будет интересовать, почему влюбленный в начале признания часто извиняется, почему он так и норовит, если дело заходит в тупик, объявить о своем отъезде, и почему так расстраивается, если ему вместо ответной любви предлагают дружбу. Все это мы читали в книгах. И видели в кино. В экранизированной классике. В тех образцах, которые не обсуждаются.

Я пытаюсь понять, почему мы начинали и начинаем проявлять интерес к человеку через выяснение его пристрастий к литературе, музыке, театру, кино, почему кое-что для нас «стыд и срам», почему мы считаем, что без любимого человека невозможно и неправильно жить. И здесь же – вечные женские привычки любить и прощать, сердобольность русских женщин, вечно спасающих бедолаг и неудачников, страстная любовь к героям, поэтам и художникам, жертвенность и готовность на все.

Эти темы прочно связаны и друг с другом, и с кругом других, совсем не очевидных вопросов, в ответах на которые также кроются неожиданные разгадки нашего способа любить. Вот они. Является ли любовь чудом? Почему страсть бывает безумной? Что такое свобода в любви и почему опытность в делах любовных – не бог весть какое достоинство? Почему мы, в отличие от европейцев, разделяем любовь и секс и не склонны поэтизировать любовные отклонения, как это сделали Маркиз де Сад, Шарль Бодлер, Генри Миллер и другие? Из разгадывания этих загадок многое становится понятным. Например, отчего это мы в вопросах любви, несмотря на всю мощь «глянцевого амура», который, по определению, «вери кул» и «вери секси», столь отличны от европейцев? Почему считаем тело аппетитным, а плоть греховной, отчего придумали дополнительный смысл словам «клюква» и «клубничка», почему, зачем при изменах мучаемся совестью? Почему? Почему мы так любили и любим?

Эта книга родилась из реальной ситуации, хотя и не очень тривиальной. Однажды мне захотелось написать почти любовное письмо. Почти, потому что адресатом его была моя старая учительница, пожилая и одинокая, но от этого не ставшая ничуть менее современной и обаятельной. Мне хотелось написать ей простые слова: «Вы для меня были и остаетесь очень

важным человеком в жизни. Я, как и многие ваши ученики, не просто благодарна вам, но я вас очень люблю». Написанные слова показались мне высокопарными, сентиментальными, глупыми, и этот текст был стерт с компьютерного экрана. Сочинение короткой записки заняло у меня долгое время и сопровождалось беспримерными муками. Но почему так сложно? Почему написать любовное письмо, адресованное представителю противоположного пола – не бином Ньютона, каждый восьмиклассник может, а вот такое, необычное – непосильный труд?

Потому что непонятно, как и что писать. Нет алгоритма. Подсказки. Шпаргалки. Это обстоятельство и навело меня на мысль исследовать принятые у нас стереотипы любовного объяснения. Аргументы, образы, темы.

Эти алгоритмы, подсказки, шпаргалки, годящиеся для привычного любовного объяснения, окружают нас. Ими изобилует школьная программа по литературе, они в стихах и песнях, доносящихся из каждого динамика, в фильмах про любовь.

Но нельзя объять необъятное.

Именно поэтому я выбрала русскую литературу. И сделала это потому, что ее проходят в школе. Преодолевая скуку, нелюбовь к чтению. Ведь именно в литературе, а не в математике – наши культурные коды.

Мы научаемся объясняться в любви задолго до того, как впервые влюбляемся. Просто потому, что еще со школьных лет впитали бессмертные и бессменные образцы объяснения в любви из классической литературы, правда, в рамках программы бесплатной общеобразовательной школы. Эти образцы в масштабе истории столь же «молоды», как и сама идея всеобщего, равного и бесплатного образования как в России, так – в историческом времени – и в Европе (во Франции всеобщее образование ввели после 1789 года, дабы реализовать идею равенства, и оно по своему составу и духу существенно отличается от российского). Мы воспринимаем эти образцы, формируемся ими и выдаем их как клише почти на подсознательном уровне.

Конечно, эти клише формирует не только школьный курс литературы, тут вносит свою лепту и кино, и телевидение, и интернет. Причем и иностранное кино, и не знающий границ и национальности интернет. Но, согласитесь, именно в письменных, классических текстах (по которым снято множество фильмов о любви) находятся матрица и алгоритм признания в любви. Ведь классический корпус текстов, потому и называется классикой, что сформирован всей нашей культурой, которая существенно старше интернета.

Кто-то скажет, что классическая литература – это все-таки прошлое, и важнейшим для нас было и остается кино. Отчасти согласна. Но плохое кино «передирает» классические любовные объяснения, да и с фильмами о любви как-то не густо. Пересматривать же старое кино, черно-белые ленты – все-таки удел интеллектуалов. Снятый в 1996 году фильм «Ромео и Джульетта» с Леонардо Ди Каприо в главной роли, в отличие от «Терминатора», не относится к разряду хитов, которые смотрят и пересматривают поколения. Современное кино ведь увлекается масштабностью действия, спецэффектами, экзотичностью, а в случае любовной истории спецэффекты происходят в основном в душах влюбленных и, если действие разворачивается не на тонущем «Титанике», то нечего там ни смотреть, ни показывать.

Вот они, знаковые фильмы последнего десятилетия, в которых любовь есть, она присутствует, она значима для повествования: «Амели» (2001), «Часы» (2002), «Столкновение» (2005), «Вавилон» (2006), «Таинственная история Бенджамина Батона» (2008), «Чтец» (2008). Но разве их можно считать классикой кино про любовь, такой как «Мужчина и женщина», «Последнее танго в Париже», «Мосты округа Мэдисон»? И так ли они значимы для нас, как «Я вам пишу, чего же боле»?

Здесь есть реплика: а что, в литературе за последние десять лет появилось что-то значимое о любви?

Может быть, миру вообще перестала быть интересна любовь?

Это интересная реплика.

Да, о любви мало пишут и мало снимают. В основном пересматривают и перечитывают. Потому что много за плечами классики, классики актуальнейшей, которую можно переплюнуть, только будучи большим мастером именно любовного жанра. А кто у нас сегодня такой?

А вот пушкинские суммарные тиражи запредельны. И читаем мы Пушкина – уже двести лет. И Тургенева читает уже не первое поколение, и Толстого. Грекову и Абрамова читаем пока поменьше, но есть симптомы, что будем продолжать читать и дальше.

Потому что все они писали о нас.

Не будем забывать, что СССР был самой читающей страной в мире. Говорят, потому, что не было у советских людей других развлечений, кроме водки и чтения. В самых дальних российских захолустьях до сих пор в квартирах полно книг. Старательно собирались библиотеки, книжечка к книжечке, и выбрасывались они на помойки совсем не так активно, как в двух российских столицах. Да и какие бы нововведения ни принимались в современных семьях, все равно основа воспитания – чтение, и родители вечно ломают голову, как бы им приучить, отсадить свое чадо от компьютера и пробудить в нем вкус именно к классическим литературным образцам. Потому что за ними наша культура, наше «знать, быть, уметь». Наше «как и почему».

Здесь есть еще один нюанс, актуальный для старшего поколения: а что в большей степени сформировало алгоритм признания в любви – Евгений Онегин с Анной Карениной или герои «Трех мушкетеров»? Кто оказался, в конечном счете, более значимым для нас – Ремарк с его «Тремя товарищами» или, копнем глубже, Овидий с его «Метаморфозами»? Или Шолохов с его «Тихим Доном»? Православие или извечные западные вольности, западный образ мысли, западная свобода романтического толка? Как у нас водится – и то, и другое. Культура многомерна, и в ней параллельные прямые, как правило, пересекаются. Она подобна нам самим, многомерным и многосложным, с утра сердитым, а к вечеру нежным и благодушным.

Наша культура множество раз припадала к Европе и позже – к Соединенным Штатам. Наши родители очень увлекались «Иностранной литературой», как увлекались и их прабабушки и прадедушки Байроном и «французским письмом» (*belles letters* – беллетристикой). И все же, что в нас звучит сильнее?

Я убеждена, что сколь бы ни было велико влияние на нас иностранной культуры и литературы в целом, сколь подражательно ни вели бы мы себя в отношении них в разное время нашей жизни и жизни нашей цивилизации, все же для нас базовыми являются ситуации, где героев зовут русскими именами, и к этим именам не приставляется месье или сэра. Мы понимаем многое, увлекаемся многим, становимся разными, но верим только своему. Только проверенному горьким опытом поколений. Среди которых и декабристские жены, и героически жертвенные советские женщины, воспитанные, как ни крути, и Царевной-Лягушкой, и Еленой Премудрой. Иначе говоря, я убеждена в том, что наш навык объяснения в любви сформирован русской классикой, которая находится на пересечении двух параллельных влияний: русской традиции и западного куртуазного эстетизма. А иначе почему, впервые влюбляясь, мальчики и девочки нередко пытаются написать друг другу нелепые и эпигонские любовные стихи? Ни до, ни после момента влюбленности им такое в голову не приходит, а тут – отчетливые попытки на листах в клеточку, украшенных известным европейским символом, отражающим не менее известные амуровы происки: сердце, пронзенное стрелой? В них говорит стереотип, кратчайшая дорожка к достижению цели: надо объясниться – используй стихи.

Я выбрала из русской литературы трех веков – XVIII, XIX и XX – сцены прозаических любовных объяснений и попыталась их разобрать по косточкам. Чтобы понять нас сегодняшних, хранящих в себе отражения этих страниц, чтобы ответить на вопрос: а почему мы любим так, как мы любим.

Но почему не стихи?

Потому что стихи – это иное измерение жизни, это зеркало, в котором отражается автор, но не жизнь. Классический же прозаик привязан намертво к реальности, он состоит из ее ткани. Конечно, он переплавляет ее в драгоценный металл, если у него есть талант – гигантская плавильная печь, выдающая двойников реальности высокой пробы. Печь, в которой сгорает все, что не относится к делу. Иначе читатель захлопывает книгу, не находя в ней главного – самого себя и своей истории.

И все же...

Русская любовная лирика высока качеством и мощна объемом. Но никакого объективного анализа на ее материале, строго говоря, не сделаешь: стихи нельзя анализировать как текст, раскрывающий аргументацию сторон. Их не принял бы никакой интеллектуальный трибунал. Ведь стихи – это греза, шаманское, заклинание. Авторы их – совсем не такие люди, как мы с вами. А другие, у которых то самое место, где когда-то у предков наших находился третий глаз, еще окончательно не заросло костью.

В моих рассуждениях я буду затрагивать два стихотворных текста: отрывок из «Евгения Онегина», но по жанру, как указал нам его автор, это – роман, и отрывок из лермонтовского «Демона» – потому что там есть диалог, и потому что без него обойтись нельзя.

В русской прозе мне удалось найти ответы на мои вопросы, и вы, читатель, можете согласиться с ними или поспорить. Самое важное – знать и помнить, что прошлое – не прошло, оно живет в нас и, конечно, объединяет. Как и сам русский язык, на котором мы не только говорим, но и объясняем в любви.

Что такое любовь?

Списки мудрецов, разгадывавших этот феномен, огромны и не поддаются никакому цитированию, отчего ни вам, ни мне не легче: никто не знает исчерпывающего ответа на вопрос. Почему два человека неожиданным для себя образом, столкнувшись в аэропорту, на вечеринке у друзей, оказываются неспособными дальше жить друг без друга? Или два человека, которые знали друг друга всю жизнь и вдруг – бац! – как снег на голову, как ураган, как вулкан, море, вышедшее из берегов!

Что с ними случилось?

И вот они вопреки воле родителей, подчас лишаясь расположения окружающих, выгодных перспектив, друзей, родных, возможности видаться с собственными детьми, соединяют свои судьбы. Списки условных Монтекки и Капулетти не уступают спискам мудрецов, разгадывавших тайны природы любви.

Или, наоборот, без всякого «вопреки», а на радость маме. Как говорится, «за что боролись, на то и напоролись». Хотели – и получите.

Не поддается вычислению, прогнозу, управлению.

Зачем, почему? Люди меняют страну, часовой пояс, климат – ради таких же, с биологической тоски зрения, женщин или мужчин, каких буквально пруд пруди вокруг. Таких же?

Чем новая жена или новый муж лучше старых?

Нет ответа.

То есть этот ответ, конечно, придумывается: умнее, надежнее, красивее, моложе, социально перспективнее, но, как мы знаем, этот ответ совершенно здесь ни при чем. Любят не за что-то, принято считать у нас, любят просто так или даже вопреки.

У нас верят в иррациональность любви.

У нас считают, что любовь корыстная по сути своей аморальна.

Я не говорю сейчас о столичных элитах, бесконечно, многократно переосмысливающих прагматику любви: в СССР лучшим спутником считался иностранец или иностранка, поскольку они открывали запертые наглухо границы и облегчали доступ к благам европейской цивилизации. Затем лучшим спутником считался богатый, затем престарелый олигарх. Но это же все не о любви, мы понимаем.

Ученые что-то говорят нам о том, что мы узнаем друг друга по запаху. Считываем при помощи обоняния какие-то коды генной совместимости. И эта совместимость позволяет нам начать созидание новых отношений. Но какова цель этих отношений? Разве только продолжение рода? Совершенно очевидно, что соединение людей в пары было необходимо для выживания, и только частью этого выживания было воспроизводство. Те, кто хорошо адаптирован к выживанию сами по себе, не сложили в рамках своего вида парных сценариев, а оперировали другими множествами.

Но любовь здесь опять оказывается ни при чем. Любовь-то, как мы знаем, «зла – полюбишь и козла»! А какое с «козлом» возможно выживание? Многие народы, для которых выживание актуально по сию пору, не признают в своей культуре браков по любви. Как можно выживать, опираясь на любовь, если она непредсказуема и проходит со временем?

Любовь, зачем она?

Что с ее помощью нужно делать?

Закалять себя, умирять, мудреть, взрослеть, созидать, разрушать, действовать, бездействовать?

Нет ответа.

Для многих верующих любовь – посланное им искушение.

Для фрейдистов – воскресшее воспоминание, тихой сапой управляющее чувствами человека и его поступками, эдакая выброшенная на берег дохлая рыба: образ матери, отца, одобренный детской фантазией и переживаниями.

Для материалистов – осознанная необходимость обретения пары, превращающаяся в эмоциональную директиву к действию.

Мой приятель, грузин, давно живущий в Москве, по распоряжению отца спешно вернулся на родину и женился. Ему пришло время жениться, так сказал его отец. Он сел в автомобиль и, понаблюдав за девушками, выходящими из лучших тбилисских вузов, выбрал себе невесту. Женился. Родил детей. Любит ли он свою жену? Безусловно, а как же?

Дочь моих друзей нашла себе жениха по интернету на другом конце света. Они переписывались около года, встретились и оформили брак. Любят ли они друг друга? Еще как!

Но каким образом они сумели полюбить друг друга? Самым обычным: полюбили, и все.

Моя подруга прожила уже полжизни со своим мужем: надежным, умным, порядочным, успешным человеком. Он ее любит, а она его нет. Никак не может полюбить. Уже двадцать лет. Мы всегда спрашивали ее: может быть, ты на самом деле любишь кого-то другого? Все эти годы рыдаешь в подушку, не можешь забыть первой юношеской любви? Нет, признается она, просто не могу его полюбить и все. Терплю ради детей, пускай им будет хорошо, я себя в расчет не беру.

О чем эти три истории? О любви? О людях? О жизни? О судьбе?

Мы все, в массе своей, в совокупности так сказать, по-прежнему обожаем рязановскую «Иронию судьбы», пересматривая ее каждый год 31 декабря. Почему, за что? За то, что этот фильм в точности о том, что мы, многие из нас, считают в жизни главным: любовь – это судьба, это волшебство, это чудесная сила, испытывающая людей на «слабо», проверяющая их на вшивость. Кто может поставить эту абсурдность любви и случая выше здравого смысла – тот наш герой, а кто не умеет – тот, с нашей точки зрения, жалок и обязательно останется с носом.

«Ирония судьбы» – это наша кинематографическая библия любви. В ней все наши стереотипы и все наши заповеди. И главнейшую из них, Любовь, как и Россию – умом не понять.

Любовь и судьба – вещи не связанные, говорят нам одни мудрецы.

Любовь – это своего рода болезнь мозга. Так считал Конфуций и был по-своему прав. Что-то происходит и – вспышка, затмение, бред... Любовь и начинается как болезнь, и проходит иной раз так же внезапно, как началась. Но главное: любовь, как и любая болезнь, не подчиняется воле человека, нельзя заставить себя полюбить, как почти невозможно и заставить себя разлюбить. Это наблюдение легло в основу древней традиции, разделяющей брак и любовь. В каких-то культурах, как мы уже отмечали, женятся по любви, а в каких-то и по сей день – по разумному выбору.

Другие мудрецы учат нас, что в жизни нет ничего важнее любви. Что это высшее состояние, позволяющее нам прозревать. Именно поэтому в обычной жизни мы слепы, а, наполняясь любовью, становимся всевидящими.

Как раз наполняясь любовью, мы и слепнем, парирует первая группа мудрецов, любовь, лишая человека разума, делает его беззащитной игрушкой в руках обстоятельств.

Чушь, парируют приверженцы любви, любовь – это как раз то, что осталось нам от Атлантиды, некогда ушедшей под воду. Третий глаз у нас зарос, а вот способность любить, как рудимент, осталась. Мы не можем объяснить ничего из того, что осталось нам от великой цивилизации – ни происхождения колеса, ни любовного чувства.

Про Атлантиду мне верится. Но считать так или иначе оснований нет никаких. Любовь, как и Бог, по-прежнему остается территорией действия или не действия веры.

Верить или не верить в любовь – извечная тема дискуссий. Давно известны все аргументы «за» и все аргументы «против», но спор не иссякает. Почему?

Потому, очевидно, что аргументы эти касаются лишь каких-то проекций любви, а не ее самой. Кто-то был счастлив в любви – ну и что? Кто-то погиб из-за своей веры в любовь – ну и что? Всё это доказывает, что любовь проскальзывает сквозь сети таких аргументов и с легкостью выходит на свободу, простор, так и не тронутая никаким логическим препятствием.

Разгадать суть феномена любви, конечно, мне не удастся.

Но цель этих записок совершенно другая.

Мне хотелось бы разгадать не саму любовь, а, как я уже говорила, культурные коды и алгоритмы, которые с ней связаны, у тех, кто относит себя к русскому цивилизационному типу.

Слово «культура» здесь наиважнейшее. Ведь культура – это нечто иное, как образ действий, чего бы эти действия ни касались. Культура – это то, как мы едим, как живем, продолжаем род, строим жилища, воюем, уходим в мир иной, дарим, празднуем, лжем, приветствуем.

Любовь окутана культурой.

Моногамность и полигамия, отказ от любви вообще, низвержение любви, вознесение ее на невиданные высоты – все это культурные рефлексy, набор способов, ею разработанных.

Почему такие, а не иные?

Потому же, почему возникли и другие различия – в кухне, костюме, религии, истории, в интерпретации ключевых мировоззренческих понятий? Таких как совесть, судьба, добро, зло, успех? А потому, что каждая культура индивидуальна, как индивидуален национальный характер, влияния, оказанные на территорию в результате разного рода экспансий, география – все те обстоятельства, среди которых нужно было выживать.

Культура мощно ритуализирует все то, что не находится во власти человека. Гениальность, талант, интуицию, смерть, власть, вероятность, любовь.

Вокруг любви, мифа о любви в рамках каждой культуры существует множество традиций. Где-то поют серенады, а где-то крадут невест. Эти традиции и есть культура, но есть, конечно, и личностный компонент. У нас в России некоторые девушки из хороших семей до сих пор не дают поцелуя без любви и не вступают в сексуальные отношения до брака. А другие девушки из таких же хороших семей, протестуя против канонов и норм своей среды, предаются разврату и идут во все тяжкие. Некоторые провинциальные девушки, приехав в большие города, пытаются «честно» прокладывать свой путь в наших каменных джунглях, превращаясь в хороших сотрудниц и верных жен, а другие, из их же числа, приобщаются к искусству любви, вступают в многочисленные связи с мужчинами и становятся в результате тоже отнюдь не плохими женами. Есть культура – матрица, заданный алгоритм, а есть – индивидуальная судьба. Одно накладывается на другое, давая множества различных вариантов, которые мы и называем жизнью.

Но при всей индивидуальности ситуаций в России очевидным образом сложились некоторые новые традиции. Свобода, равенство и братство в полной мере могут считаться основой обновленного понимания любви, разделяемого большинством молодых людей. Эта свобода – в необязательности брака, молодые люди сплошь и рядом живут вместе без всяких печатей в паспорте. Эта свобода – в сексуальной свободе: заниматься сексом, много, хвалиться этим – престижно и социально одобряемо. Эта свобода – вприятии однополрой любви и придании ей статуса нормы. Эта свобода, наконец, в необязательности верности, что пропагандируется многими современными молодыми людьми.

Равенство – это, конечно же, равенство полов. Какая современная девушка считает себя «низшей», «неполноценной» в отношении предмета своего увлечения? И жизнь, и роль, и амбиции молодых женщин ничуть не уступают достижениям и намерениям молодых людей. Во всяком случае, в больших городах.

А от равенства к братству – меньше, чем один шаг: принятая у нас норма общения молодых людей и девушек все больше подчеркивает не различие между ними, а сходство. Юноши, одетые в яркие свитеры, звучно расцеловываются с девушками при встрече и проща-

нии, они живут одной, неразличимой социальной жизнью, одно пьют, одно едят, одно носят, одно читают, одно смотрят, об одном мечтают. Их объединяет одна субкультура, они – братья и сестры. Совсем не так, как это было еще каких-то сто, двести лет тому назад.

Что означает этот внедренный в нашу жизнь девиз Великой Французской революции? Европеизацию, вменившую в себя античные идеи красоты и восхищенности этой красотой? Марксизм, оставшийся одним из ярких европейских увлечений? Идеалы студенческой революции 1968 года с ее лозунгом «Запрещено запрещать!»? Новая телесность хлынула на нас рекой через разного рода экраны и глянец, все это пришло в наши умы через яркие упаковки и новую потребительскую культуру и дало наш неповторимый колорит, добавившись к классике любви, которая предписывает *ей* быть инициативной и страдающей, а *ему*, как минимум, неординарным.

И этот новый флер враз куда-то девается, когда между людьми возникает та самая, не разгаданная пока что, любовь. Новизна пришла в болтовню и формы досуга, во внешние проявления городской молодежной культуры, но она не проникла к первоосновам. Классика видна не в новых традициях и поведенческих рефлексах, а в старой архаике признаний, извинений, страданий, болезненных или счастливых поворотах судьбы.

Как ведут себя по-настоящему влюбленные?

Как и сто лет назад. Мучаются, ухаживают, подбирают слова. Может быть, инструменты, средства другие, но суть та же.

Вот мальчик влюбился в девочку. Для начала влюбился, а потом и полюбил. Что он будет делать?

Проявлять интерес и оказывать знаки внимания.

Каким образом?

Предложит зафрендить себя на Фейсбуке, будет писать смски, фотографировать на телефон встречи и вечеринки, выкладывать фотографии в интернет. Он станет ее куда-то приглашать. Станет интересоваться ее жизнью. Он будет спрашивать ее про любимые фильмы, песни, книги. Говоря об этом, обсуждая Земфиру или «Синие носы», они на самом деле уже начнут говорить о большем: о себе самих, о своих вкусах, ценностях, склонностях.

Мальчик попробует как-то начать объединение контуров их жизней: общие впечатления, общие знакомые, потом общие планы. Или девочка начнет. Кто уверенней в себе, тот и будет действовать. Но главное – по одному и тому же сценарию.

Подарит ли он ей цветы? Конечно. И виртуальные, и живые.

Переспят ли они? Наверное, да, сейчас это принято. Теория стакана воды, получившая распространение в первые годы советской власти, – заняться сексом просто, как выпить стакан воды, сегодня взяла верх в больших городах. Но важно ли это? Не думаю. Секс стал формой досуга, гимнастики, аутотренинга, уподобившись беговой дорожке, модной сумке. Но разве эта практика имеет отношение к любви? На мой взгляд, никакого.

Если он полюбит ее, то обязательно постарается добиться от нее любви в ответ. Теми способами, которые записаны в культуре и разгадыванию которых будут посвящены последующие страницы.

Потерпит ли он ее измены, сексуальные упражнения с другими мальчиками? Нет. Он будет страдать, как страдал его отец, дед и прапрадед в том самом XIX веке, откуда и выросло наше любовное признание.

Он, возможно, захочет показать ей, что он – парень обеспеченный или станет таковым. Но больше всего на свете, если он и вправду из богатой семьи, он будет бояться, что она находится рядом с ним из-за его денег. Он будет хотеть любви, а не любви за деньги.

Он будет говорить ей о своей надежности.

О своей беспомощности без нее.

О своем желании совместного будущего и семьи.

Он, очень вероятно, напишет ей любовное письмо. На бумаге, экране компьютера, окошечке мобильного телефона.

Захочет куда-нибудь уехать, в муках ожидая ее ответа, решения.

Он будет говорить с ней, если и вправду любит ее, о детях и старости – неважно где, в блоге ЖЖ, на Фейсбуке, в Твиттере или видеоролике, который снимет для нее мобильником.

Он будет стараться восхитить ее и одновременно почти наверняка вызвать в ней жалость и умиление.

А то, что они давно уже спят вместе или даже живут – это просто примета времени и не имеет никакого отношения к тому, о чем они говорят, грезят и чего добиваются друг от друга.

Если она не полюбит его, он будет несчастен.

Он будет плакать настоящими слезами.

Он, возможно, даже заречется любить.

Все будет, как было с его отцом, дедом, прадедом.

Он, отчаявшись добиться любви той самой девочки, которая напрочь засела у него в голове, возможно, даже и набедокурит, оставит на свободе свой пронзительный дневник, точно такой же, как писали сто – двести лет назад. Может быть, электронный дневник, а может быть, кто знает, и на тетрадных листах.

А если он окажется убедителен, о, какое же это будет для него счастье!

Они поедут путешествовать по Европе, точно так же, как это было принято в России до революции.

Он подарит ей колечко, купив его – да бог с ним! – через какой-нибудь интернет-магазин.

А потом, когда контуры их жизни сольются окончательно, он обязательно захочет, чтобы его слово было последним, чтобы он был главным, чтобы у каждого в семье была своя ответственность.

Прямо как у Грековой в «Хозяйке гостиницы» или как-то еще:

«Я хочу, чтобы люди говорили: «Как хорошо у Ларичевых!» Вот чего я хочу. Это мое право. Поняла?

– Поняла, – сказала Верочка, вдруг развеселившись. – Я только одного не поняла. Ты говоришь: у каждого из нас свои обязанности и свои права. Мои обязанности ты перечислил. А где же мои права?

– У тебя одно право: быть любимой. Или тебе этого мало?

Чуть-чуть, на волосок, поднялась соболиная бровь. Верочка поспешила ответить:

– Нет, не мало.

Что тут началось: вихрь, смерч. Одним словом: любовь».

С чего бы это, – станет протестовать сегодняшняя Верочка, – мы ведь оба работаем, оба занимаемся одним и тем же, почему это ты должен быть главным?

Это архаика, хочется ответить ей, но об этом в следующей сказке.

А сейчас речь пойдет о совершенно другой культуре и другой архаике – архаике любовного объяснения, без которого не обходится ни одна любовная история. Так уж повелось, что люди общаются при помощи слов...

Объясняться, открываться, признаваться

Строго говоря, эта книга о том, как мы говорим с теми, кого любим. О словах любви. То есть меня будет интересовать то, как и почему мы говорим именно эти слова, а не те, именно эти, а не те аргументы приводим для любовного признания. То есть X любит У и У, по мнению X, должна ответить ему взаимностью, потому что А, В и С. Эти аргументы меняются от культуры к культуре. Например, на Никобарских островах молодой человек, чтобы стать женихом, должен был на год становиться рабом девушки, и если он нравился ей в этом качестве, она могла дать ему согласие стать его женой. В Руанде требуют, чтобы молодожены питали друг к другу ненависть и активно выражали ее при общении. После свадьбы жена должна приходить в дом к мужу и старательно избивать его. В Кении молодожена принято наряжать в женскую одежду, чтобы он получше усвоил, каково это быть женщиной и женой. Примеров различной экзотики такого рода очень много. И уверяю вас, наши с вами охи и вздохи, письма и клятвы, покажутся кенийцам не меньшей диковиной, чем нам кажутся их культурные традиции.

Что же именно в нас будет для них экзотичным? Какой он наш любовный миф?

Во-первых, у нас, у русских, любовь живет в сердце или душе, а не в голове, печени или животе. Мы уподобляем ее огню, в ней можно сгореть. Любовь – это опасность. Она никому не понятна, у нее нет причины, она ни из чего не следует, ее возникновение вызывает только удивление и недоумение, поэтому в любви нужно объясниться. То есть объяснить, восстановить недостающие логические связи.

Во-вторых, любовь возникает внутри нас как живое существо, рождается (или вспыхивает), растет, развивается и только потом, окрепнув, набрав силу, овладевает человеком полностью, становится сильнее его. Открыться и означает выпустить любовь наружу, показать ее другому, дать любви особую судьбоносную силу. Это-то и страшно, можно потом не совладать со своей любовью.

В-третьих, признаваясь в любви, мы признаемся в своей самонедостаточности. Именно поэтому мы и признаемся, а не просто говорим. Ведь самонедостаточность – это дефект, ущербность, зависимость, то, что обычно человек пытается скрыть от других.

Наш миф о любви, очевидно, зашифрован в этих трех действиях, совершаемых при любовном объяснении: объясняться, открываться, признаваться.

И все это для нас – и первое, и второе и третье – сущая мука.

Мучаемся, решаемся, подбираем слова, иногда произносим их, иногда пишем, а потом с теми или иными вариациями говорим главную фразу: «Я люблю тебя». Точнее – признаемся: «Я люблю тебя». Но какие мы приводим аргументы в своем объяснении?

Их масса. Мы киваем на судьбу. Мы говорим о взаимодополнительности. Мы вставляем напоказ свою потребность в другом, давая ему поле для самореализации.

Или мы симулируем все это, играя в любовь.

Игра в любовь – тоже часть нашей и европейской культуры. Опасные игры, игры с огнем, опасные связи. К слову сказать, роман Шодерло де Лакло «Опасные связи», вышедший во Франции в 1782 году, был переведен на русский язык и издан уже в 1805-м и пользовался широкой популярностью в России.

Прочтите это объяснение в любви. Тургенев «Отцы и дети», сцена объяснения Базарова и Одинцовой. Ведь это же одна из культурных моделей нашей любовной игры!

– Мы говорили с вами, кажется, о счастье. Я вам рассказывала о самой себе. Кстати вот, я упомянула слово «счастье». Скажите, отчего, даже когда мы наслаждаемся, например, музыкой, хорошим вечером, разговором с симпатическими людьми, отчего все это кажется скорее намеком на какое-то безмерное, где-то существующее счастье, чем действительным

счастьем, то есть таким, которым мы сами обладаем? Отчего это? Или вы, может быть, ничего подобного не ощущаете?

– Вы знаете поговорку: «Там хорошо, где нас нет», – возразил Базаров, – притом же вы сами сказали вчера, что вы не удовлетворены. А мне в голову, точно, такие мысли не приходят.

– Может быть, они кажутся вам смешными?

– Нет, но они мне не приходят в голову.

– В самом деле? Знаете, я бы очень желала знать, о чем вы думаете?

– Как? я вас не понимаю.

– Послушайте, я давно хотела объясниться с вами. Вам нечего говорить, – вам это самим известно, – что вы человек не из числа обыкновенных; вы еще молоды – вся жизнь перед вами. К чему вы себя готовите? Какая будущность ожидает вас? Я хочу сказать – какой цели вы хотите достигнуть, куда вы идете, что у вас на душе? Словом, кто вы, что вы?

– Вы меня удивляете, Анна Сергеевна. Вам известно, что я занимаюсь естественными науками, а кто я...

– Да, кто вы?

– Я уже докладывал вам, что я будущий уездный лекарь.

Анна Сергеевна сделала нетерпеливое движение.

– Зачем вы это говорите? Вы этому сами не верите. Аркадий мог бы мне отвечать так, а не вы.

– Да чем же Аркадий...

– Перестаньте! Возможно ли, чтобы вы удовольствовались такою скромною деятельностью, и не сами ли вы всегда утверждаете, что для вас медицина не существует. Вы – с вашим самолюбием – уездный лекарь! Вы мне отвечаете так, чтобы отделаться от меня, потому что вы не имеете никакого доверия ко мне. А знаете ли, Евгений Васильевич, что я умела бы понять вас: я сама была бедна и самолюбива, как вы; я прошла, может быть, через такие же испытания, как и вы.

– Все это прекрасно, Анна Сергеевна, но вы меня извините... я вообще не привык высказываться, и между вами и мною такое расстояние...

– Какое расстояние? Вы опять мне скажете, что я аристократка? Полноте, Евгений Васильевич; я вам, кажется, доказала...

– Да и кроме того, – перебил Базаров, – что за охота говорить и думать о будущем, которое большею частью не от нас зависит? Выйдет случай что-нибудь сделать – прекрасно, а не выйдет – по крайней мере тем будешь доволен, что заранее напрасно не болтал.

– Вы называете дружескую беседу болтовней... Или, может быть, вы меня, как женщину, не считаете достойною вашего доверия? Ведь вы нас всех презираете.

– Вас я не презираю, Анна Сергеевна, и вы это знаете.

– Нет, я ничего не знаю... но положим: я понимаю ваше нежелание говорить о будущей вашей деятельности; но то, что в вас теперь происходит...

– Происходит! – повторил Базаров, – точно я государство какое или общество! Во всяком случае, это вовсе не любопытно; и притом разве человек всегда может громко сказать все, что в нем «происходит»?

– А я не вижу, почему нельзя высказать все, что имеешь на душе.

– Вы можете? – спросил Базаров.

– Могу, – отвечала Анна Сергеевна после небольшого колебания.

Базаров наклонил голову.

– Вы счастливее меня.

Анна Сергеевна вопросительно посмотрела на него.

– Как хотите, – продолжала она, – а мне все-таки что-то говорит, что мы сошлись недаром, что мы будем хорошими друзьями. Я уверена, что ваша эта, как бы сказать, ваша напряженность, сдержанность исчезнет наконец?

– А вы заметили во мне сдержанность... как вы еще выразились... напряженность?

– Да.

Базаров встал и подошел к окну.

– И вы желали бы знать причину этой сдержанности, вы желали бы знать, что во мне происходит?

– Да, – повторила Одинцова с каким-то, ей еще непонятным, испугом.

– И вы не рассердитесь?

– Нет.

– Нет? – Базаров стоял к ней спиной. – Так знайте же, что я люблю вас, глупо, безумно... Вот чего вы добились.

Одинцова протянула вперед обе руки, а Базаров уперся лбом в стекло окна. Он задыхался; все тело его видимо трепетало. Но это было не трепетание юношеской робости, не сладкий ужас первого признания овладел им: это страсть в нем билась, сильная и тяжелая – страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей... Одинцовой стало и страшно и жалко его.

Посмотрите, как выстроена сцена любовного объяснения Базарова и Одинцовой. Тот, кто инициирует объяснение другого, своей откровенностью провоцирует его на откровенность. Это *фаза первая*. Каждый ведь может позволить себе быть откровенным, говорить «о себе», о «счастье». Адекватно, правильно, прилично ответить откровенностью на откровенность. Особенно если провоцирующий спрашивает: а что ты думаешь о счастье, любви и так далее? И вот разговор переходит уже в фазу два и становится разговором откровенным.

Фаза два. Это, как правило, поединок очарованности и разочарованности. Провоцирующий выказывает наивность души, чтобы провоцируемый с ним поспорил. Там хорошо, где нас нет, парирует Базаров. Провоцирующий объяснение предполагает, что тот, другой, влюблен и потому станет защищаться, не хотеть искренности. И вот уже получается, что тот, кто охотится за его объяснением, выглядит куда более наивным и незащищенным, чем защищающийся. И, прикинувшись таким наивным, охотник или охотница безвинно так спрашивает, почти просит: «Мне бы хотелось знать, о чем ты думаешь?». *Фаза два* – это попытка через имитацию собственной наивности и чистоты залезть в душу другого.

Фаза три. Тот сопротивляется. Тогда охотница (или охотник) передергивает, как в картах. Ты думаешь, я хочу узнать о твоих чувствах? Какая глупость, я хочу всего лишь узнать твои планы на будущее, профессиональные, не личные. Влюбленный немного расстроен. Он уже был готов, что его будут толкать на признание, ведь, полюбив, он хочет (и одновременно боится) открыть свои чувства. Ан нет! Кем хотите работать, спрашивает охотница.

Фаза четыре: Что за глупые вопросы! Какое будущее! Влюбленный раздосадован. Да разве мы тут об этом препираемся? Потом, опомнившись, влюбленный попадает в ловушку и отвечает про врача. Его разве на самом деле об этом спрашивали? Нет, конечно. Но при такой охоте за признанием у влюбленного нет выхода из этой ловушки.

Фаза пять: охотница утверждает, что влюбленный ее недооценивает (не верит, не уважает, не считает равной), в душе оскорбляет ее. Вот почему влюбленный не искренен. Почему не можешь сказать о себе все и немедленно, раз уважаешь меня, недоумевают охотница. Это провокация к тому, чтобы герой сказал: да что ты, ты для меня все, тебя-то я только и уважаю, и обожаю, и...

Но тут наступает *фаза шесть*: герой пойман. Чтобы не ранить трепетную душу, витающую в облаках (*фаза один*), чтобы сгладить свою черствость и не быть самолюбивым букой

(фаза два), в соответствии с появившимся вкусом к признанию (фаза три), чтобы не быть мелким, а быть смелым и масштабным (фаза пять), герой признается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.